

Интервью митрополита Волоколамского Илариона изданию Orthodoxy.com

– Вы с 2009 года являетесь председателем Отдела внешних церковных связей. Данный отдел – особый орган внутри Московского Патриархата. Можете ли Вы рассказать, когда и почему был создан Отдел? – Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата был создан в 1946 году, когда Русская Православная Церковь только начинала восставать из пепла, как птица феникс, после двух с лишним десятилетий жесточайших гонений. Во время гонений 1920-1930-х годов от Русской Православной Церкви почти ничего не осталось: почти все храмы оказались либо разрушены, либо перестроены, почти все священники были физически уничтожены, расстреляны. Из более ста епископов, которые имелись в нашей Церкви до революции, перед началом войны на свободе оставалось только четыре действующих архиерея – и это на всю Русскую Православную Церковь!

Во время войны ситуация изменилась, потому что Церковь заняла патриотическую позицию. Государство это оценило, и гонения были временно не то что прекращены, но ослаблены. В 1946 году, когда вся страна восстанавливалась после войны, Церковь решила восстановить свои связи, прежде всего, с русским зарубежьем – теми православными христианами, которые на протяжении долгих лет были оторваны от Московского Патриархата. Ради этих целей, а также дабы возобновить диалог с иными христианскими конфессиями, который был начат еще в дореволюционное время, и был создан Отдел внешних церковных сношений (с 2000 года – Отдел внешних церковных связей).

Поначалу в нем было всего несколько человек: один митрополит, одна секретарша. Постепенно штат Отдела увеличивался. Сейчас, спустя 75 лет, у нас работает около ста человек, если говорить о полном штате сотрудников, включая водителей, уборщиц, технический персонал. Если же иметь в виду тех сотрудников, которые работают по конкретным темам – по взаимодействию с Православными Церквями, с Католической Церковью и иными христианскими конфессиями, с другими религиями, то это примерно сорок человек. Есть такой анекдот: Папу Иоанна Павла II спросили, сколько в Ватикане работает людей. Он ответил: «Примерно половина». Так вот, в нашем Отделе внешних церковных связей примерно половина сотрудников – это те, которые непосредственно работают по конкретным тематическим направлениям.

В интернет-пространстве опубликован второй фильм цикла «Верные» – документальная лента «Исцеление в Катериновке» посвящена рассказу о жизни верующих канонической Украинской Православной Церкви, которые пережили кровавый захват своего храма в 2015 году, но не впали

в отчаяние, а стали сильнее и построили новый храм.

– Вы приехали в Париж по случаю шестой годовщины встречи Папы Франциска с Патриархом Кириллом. Вы встретились с кардиналом Куртом Кохом, главой Папского совета по содействию христианскому единству, чтобы подготовить вторую встречу между Предстоятелем Русской Православной Церкви и Предстоятелем Римско-Католической Церкви. Известны ли дата и место следующей встречи? Может быть, она пройдет в Москве?

– Вы хотите первым узнать дату и место, но, к сожалению, это у Вас не получится, потому что мы пока не можем анонсировать их, это сейчас обсуждается. В обсуждение вовлечены разные стороны, и все должны прийти к полному согласию. Но могу сказать, что мы запланировали эту встречу на 2022 год. Надеюсь на то, что ни пандемия, ни другие обстоятельства не воспрепятствуют тому, чтобы встреча состоялась.

– В Западной Европе Русская Православная Церковь представлена тремя структурами: есть приходы Патриаршего экзархата, Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции и Русской Зарубежной Церкви. Не считаете ли Вы, что эта структура уже устаревшая и что исторические причины их отдельного управления уже не актуальны? Проект митрополичьего округа, предложенный во времена Патриарха Алексия, не был осуществлён. Причина неудачи была в том, что тогда Русская Зарубежная Церковь еще не была в общении с Московским Патриархатом, а Архиепископия находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Теперь всё изменилось. Не думаете ли Вы, что необходимо снова работать в этом направлении?

– Не думаю, что мы должны сейчас заниматься тем, чтобы как-то унифицировать три структуры, которые есть в Западной Европе. Каждая из них имеет свою историю, свои традиции. Иногда между этими структурами возникают определенные трения и недопонимания в связи с тем, что у них разное восприятие некоторых существенных моментов церковной жизни. Но мне кажется, что мы совершенно не должны сейчас заниматься тем, чтобы всех, как говорят у нас в России, «стричь под одну гребенку», пытаться заставить всех жить по одним и тем же правилам.

Полагаю, самое важное – то, чего мы уже достигли: что мы все объединены в лоне Русской Православной Церкви, что многолетнее разделение, которое существовало в русской эмиграции, наконец, преодолено, что мы можем вместе служить, вместе причащаться. Это главное.

А унифицировать структуры, календари – это все вопрос будущего. Думаю, что не ближайшего будущего. Мы знаем, что, например, у Русской Зарубежной Церкви и у Архиепископии есть свои местночтимые святые, которые не признаются таковыми в Московском Патриархате. Но и что? Это история. Рано или поздно история Церкви расставит все точки над «i». Но ни в коем случае нельзя

спешить, ни в коем случае нельзя пытаться сломать сложившиеся традиции, навязать одной юрисдикции точку зрения другой юрисдикции. Нужно запастись терпением и спокойно жить всем вместе, благодаря Бога за то единство, которого мы достигли.

– По поводу межправославных отношений: почему Московский Патриархат не предоставил автокефалию самоуправляемой Украинской Церкви до Критского Собора, чем, возможно, удалось бы избежать нынешних трудностей?

– Автокефалию можно дать тогда, когда о ней просят. Но если никто не просит, если церковный народ, епископат, духовенство против, как мы можем навязать автокефалию целой Поместной Церкви, которая не только не просит об этом, но и очень отрицательно относится к самой идее автокефалии?

В греческом мире до сих пор есть какие-то наивные и некомпетентные люди, которые считают, что Москва насильно удерживает Украинскую Православную Церковь в своей юрисдикции.

Послушайте, как мы можем насильно удержать ее, какие у нас для этого средства? Никаких средств нет. Мы даже не можем приехать в Украину. Я, например, уже почти десять лет невъездной туда – так решил бывший президент этой страны господин Порошенко. Однажды я прибыл в аэропорт, меня там остановили, посадили в накопитель и потом отправили назад без всяких объяснений. Как в такой ситуации мы можем на что-нибудь повлиять? Если бы каноническая Украинская Церковь захотела автокефалии и попросила у Русской Православной Церкви, был бы какой-то процесс, который, наверное, привел бы к автокефалии – не знаю, сейчас трудно гадать. Но Украинская Православная Церковь не хочет этого. Украинский народ хочет оставаться с русским народом. И это не политический вопрос, а церковный. Его ни в коем случае нельзя смешивать с политикой, потому что политические отношения между Россией и Украиной могут быть какими угодно, но воля церковного народа заключается в том, чтобы сохранять единство.

Как мы можем пойти против нее? Человек, который идет против воли церковного народа, – самоубийца. Вот Патриарх Варфоломей пошел против воли церковного народа. Он вообразил (или кто-то ему внушил), что украинский народ желает автокефалии, и Патриарх Варфоломей заявил, что подпишет «томос об автокефалии». Он верил, что под этот «томос» сразу пойдет вся Украинская Церковь, а под него пошли только раскольники, потому что им это было нужно по политическим мотивам. Раскольники, у которых нет ни нормальных монастырей, ни паствы. Вы посмотрите, как они служат в своих храмах, посмотрите их видеоролики: стоит так называемый «митрополит», стоит какой-нибудь «священник», а где церковный народ? Его нет у них. Церковный народ не идет за раскольниками, потому что понимает, где Церковь, а где лжецерковь, где настоящие архиереи, а где самосвяты.

– Архиепископ Тиранский Анастасий, говоря о ситуации на Украине, сказал, что были нарушены три основополагающих принципа: апостольское преемство, Божественная Евхаристия и соборность. Это спровоцировало землетрясение, ударные волны которого достигли Африки...

– Думаю, что Блаженнейший Архиепископ Анастасий дал очень правильный анализ сложившейся ситуации. Если говорить простым мирским языком, то либо все должны жить по одним правилам, либо каждая Церковь будет жить по собственным правилам. Константинопольский Патриарх почему-то решил, что он может жить по своим правилам, а другие Церкви должны лишь подчиняться, смиренно склонять свою выю и признавать божественные и апостольские достоинства Вселенского Патриархата, о которых мы никогда раньше не слышали... Вдруг они «появились», и вдруг «оказалось», что мы триста лет жили под ложным впечатлением, что Киевская митрополия является частью Русской Православной Церкви. А ведь это печаталось во всех календарях – в календарях Константинопольского Вселенского Патриархата, Александрийской Церкви, Элладской Церкви и Кипрской Церкви. Вплоть до 2018 года всеми признавалось, что Украинская Церковь входит в состав Русской Православной Церкви. И вдруг нам говорят, мол, это все была ошибка, это было насилие, Украинская Православная Церковь всегда была в составе Константинополя, а Патриарх Константинопольский Дионисий просто под каким-то насильственным воздействием подписал акт о присоединении Киевской митрополии к Московскому Патриархату!

Мы издали целый том документов (почти тысяча страниц мелким шрифтом), которые рассказывают об обстоятельствах, при которых проходило присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату. Если Константинополь хотел это оспорить, где он был триста лет? Почему в течение трех веков он никогда не оспаривал? Это просто безумные идеи, которые пришли в голову Константинопольского Патриарха. Мы с большим сожалением об этом говорим.

Причем мы предупреждали его. Он думал, что в эту так называемую «автокефальную церковь» рванет весь украинский епископат. Он говорил: «Я знаю, 25 архиереев уже готовы перейти», а Святейший Патриарх Кирилл ему ответил тогда: «Один или два перейдут». Вот два и перешли. Вы знаете, что в апостольской общине, которая состояла из двенадцати человек, был один Иуда. В Украинской Православной Церкви сейчас больше ста архиереев, а на тот момент было более девяноста. Двое перешли. То есть процент предательства гораздо меньше, чем в общине учеников Христовых.

Мы предупреждали Вселенского Патриарха, что эта авантюра ни к чему хорошему не приведет, потому что знаем настроения в украинском народе, а он не знает. Он живет в своей «фанарской крепости» и изолирован от реального мира, от реальной церковной жизни. Он слушает неких

советников, которые либо политизированы, либо это какие-то авантюристы. Они дают Патриарху Варфоломею ложную информацию. Когда Патриарх Кирилл приезжал к нему в конце августа 2018 года, Патриарх Варфоломей озвучил ложные сведения, которые он получает от своих горе-экспертов. На основании этих данных он и совершил то, что он совершил. А дальше все покатило, как снежный ком...

Возьмем ситуацию в Африке. Что, нам в Русской Церкви больше нечем заняться, кроме как Африкой? У нас мало территории? У нас Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Эстония, Япония, Китай, Монголия... Мало нам этого, нам еще Африка нужна? Нет. Но к нам обратились священники из Африки, которые сказали: мы не хотим идти за нашим Патриархом в признании раскола, мы против того, чтобы признавать украинский раскол – дайте нам каноническое убежище. Это было два года назад. Мы не спешили с ответом. Мы ждали, изучали. Мы надеялись, что Патриарх Александрийский изменит свою позицию, посылали ему сигналы. Мы вели с ним переговоры, неофициальные, конечно. Но он не откликнулся и свою позицию не изменил. Сначала он начал почитать раскольничьего лидера, потом стал с ним служить. И при всём этом что мы должны сказать обратившимся к нам священникам: нет, идите от нас прочь, потому что вы должны быть с вашим Патриархом, который признал раскол? Мы не смогли сказать так этим священникам. И мы им дали каноническое убежище.

Если у кого-то есть вопрос, почему мы создали экзархат в Африке, пусть он адресует этот вопрос к Вселенскому Патриарху Варфоломею. Почему он создал экзархат в Украине? Ведь с этого все началось в 2018 году. Он создал экзархат в Украине, на нашей канонической территории, а потом подписал «томос об автокефалии».

Поэтому снова повторю: либо все будут жить по одним правилам, либо каждая Церковь будет устанавливать свои правила.– Владыка, Вы сказали, что Патриарх Варфоломей не был в курсе положения дел на Украине, но Александрийский Патриарх, возможно, был лучше осведомлен? Он бывал в Одессе... Почему его позиция по отношению к новообразованной Константинопольской церкви так резко поменялась? По каким причинам?

– У меня есть личное мнение на этот счет, основанное на инсайдерской информации, которую я получаю. Думаю, Патриарха Александрийского принудили к тому, чтобы он принял такое решение. Это было вынужденное решение. Знаю, что его шантажировали, ему угрожали. Не буду говорить, кто и чем, но у нас есть такая информация. Поэтому я с большим сожалением воспринимаю то, что Александрийский Патриарх занял такую позицию. Полагаю, он сделал это не по своей воле.

Но это не является оправданием того, что произошло. Он свою новую позицию уже многократно

заявил и озвучил. Потому мы после двух лет терпеливого и смиренного ожидания приняли трудное и вынужденное решение: принять этих клириков в состав Русской Церкви и создать для них, а также русскоязычных верующих Африки, которых много, Патриарший экзархат.

– Русскую Церковь обвинили в том, что у неё имелся план «вторжения» в Африку. Некоторые даже говорят, будто этот план уже тридцать пять лет как был готов. А как на самом деле? Если бы Александрийский Патриархат отказался от признания украинских автокефалистов, изменилась бы ситуация?

– Знаете, я не привык комментировать безумные идеи. И не думаю, что правильно строить какие-то гипотезы. Считаю, что если Александрийский Патриархат захочет вступить в переговоры с Русской Православной Церковью о том, как нам дальше жить и строить отношения, то в Русской Церкви с готовностью откликнутся на желание вести диалог. Но полагаю, что Александрийскому Патриарху сейчас внушают, чтобы он не вступал с нами в прямой диалог, а требуют, чтобы он встал на сторону Константинопольского Патриарха.

Сейчас уже вынашиваются планы воссоздания некой «пентархии». В византийскую эпоху было понятие пентархии, когда считалось, что Церковью управляют пять Патриархов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский. Потом, после разрыва с Римским Папой, пентархия исчезла. Теперь же говорят: пусть вместо Римского Предстоятеля будет Кипрский, и тогда вроде как будет воссоздана пентархия. Предполагается, что эти пять глав Церквей соберутся, осудят Русскую Церковь, Московского Патриарха...

Во-первых, этого не произойдет, потому что не все хотят участвовать в такой «пентархии». Во-вторых, это что же, создается некая совсем новая эkkлезиологическая модель, в которой будут Церкви «первого сорта» и Церкви «второго сорта»? Мы всегда жили в ситуации, когда считалось, что все общепризнанные автокефальные Церкви равны: древние и не древние, большие и маленькие. Нам всегда заявляли: вы не должны говорить, что вы большая Церковь – у вас один голос, и у Церкви Чешских земель и Словакии тоже один голос, у Польской Церкви один голос и у Антиохийской Церкви один голос. Ну и слава Богу, мы с этим жили. Теперь же нам говорят: будут древние Церкви, которые окажутся полномочны все решать, и будут какие-то новейшие Церкви, Церкви «второго сорта», которым останется подчиняться.

Давайте посмотрим, что еще придумают на Фанаре, как еще богословские или эkkлезиологические фантазии нам предложат. Много лет я участвовал в православно-католическом диалоге. Там под руководством иерарха Константинопольского Патриархата митрополита Иоанна (Зизиуласса) вынашивалась идея создания новой эkkлезиологии, которая заключается вкратце в следующем: если в Святой Троице есть примат Бога Отца и есть

соборность Сына и Святого Духа, то же самое должно быть в Церкви на всех уровнях: на уровне епархии епископ первый, а священники – в соборности, на уровне Поместной Церкви это глава Церкви и епископы, а на уровне Вселенской Церкви это первый и другие, которые находятся в соборности. Это идею, которая вроде бы отражает модель, существующую в Святой Троице, митрополит Иоанн (Зизиулас) очень активно навязывает сейчас и православным, и католикам.

Но мы себя спрашиваем: откуда происходит эта идея, где ее корни? В Священном Писании ее нет. В Священном Предании ее нет. Святые отцы ничему подобному не учили. Само представление о том, что первый на уровне Вселенской Церкви может быть не среди равных, а без равных, чуждо для православной традиции. Такого никогда не было. Православная Церковь, на протяжении веков полемизировала с такой идеей. Против нее выступали, в том числе, Константинопольские Патриархи: они писали Папе Римскому, что не согласны с таким папистским пониманием власти первого во Вселенской Церкви.

И вдруг сейчас нам из Фанара приходят концепции, которые предполагают, что, оказывается, у Православной Церкви тоже должен быть первый, что Католические Церкви – это те, которые находятся в общении с Папой Римским, а Православные Церкви – это те, которые находятся в общении с Патриархом Константинопольским. Что это за новая экклесиология, которая возникла, как говорится,

out of the blue(из ниоткуда – прим.)? Мы не можем просто начать импровизировать на экклесиологическом поле, не можем создавать новые экклесиологические концепции. Мы должны сохранять верность нашей православной традиции.

– Если я правильно понял то, что говорит митрополит Иоанн (Зизиулас), его экклесиология основывается на триадологии Каппадокийских отцов: святитель Василий говорил о монархии Отца на триадологическом уровне... Но нужно ли ставить это на одном уровне с экклесиологией?

– Да, при чем здесь одно к другому.– В самом деле вопрос, что такое первенство...– Это очень просто. Что такое первенство на уровне Вселенской Церкви? Это первенство чести. Это определенный порядок, в котором выстраиваются главы Православных Церквей: есть первый, второй, третий, четвертый и так далее, но это не значит, что второй подчиняется первому, третий подчиняется второму или что все вместе подчиняются первому. В канонах, в которых идет речь о первенстве и соборности, говорится, что первый ничего не должен делать без согласия остальных, а остальные не должны делать ничего без согласия первого. И вдруг нам говорят: Вселенский Патриарх может решать всё сам. Русская Церковь против, а он все равно решает, Украинская Церковь против, а он, несмотря на это, принимает решение. Простите, а где тогда следование церковным канонам? Где соборность? Это не соборность, а разбой.

Кроме того, нам хотят внушить, что украинские раскольники, которые не имеют канонического рукоположения, являются полноценными епископами. Послушайте, мы знаем историю этих рукоположений. Мы опубликовали информацию об этом, она находится в свободном доступе. Там есть «епископы», которые были «рукоположены» запрещенным в служении епископом и запрещенным в служении диаконом, который себя выдавал за епископа, но не имел не только архиерейской, а даже священнической хиротонии. Эти двое рукоположили третьего и подписали свидетельство о рукоположении. А когда впоследствии стало понятно, что один из подписавших был просто авантюристом, то в свидетельство вписали также имя одного умершего архиерея. С этой бумагой до сих пор живет человек, который теперь является «архиереем», признанным Константинополем. Как мы можем это признать? Никакая икономия не может самосвята сделать архиереем. По крайней мере, если бы их там не перерукоположили. Но их же никто не рукополагал заново.

– Но не первый ли имеет право на инициативу? Теперь же ситуация очень запутанная. С одной стороны, есть инициатива Патриарха Иерусалимского Феофила III, который созвал межправославное совещание 26 февраля 2020 года в столице Иордании Аммане, куда приехали только представители Русской Православной Церкви, Польской Православной Церкви, Православной Церкви Чешских Земель и Словакии, Сербской Церкви и Румынской Церкви. Представители остальных Церквей не приехали. С другой стороны, существует теперь понятие «пентархии», о которой Вы только что говорили. Можно ли еще надеяться на то, что все Православные Церкви сядут вместе за одним столом переговоров, чтобы совместно решить все горячие вопросы, такие как украинский или македонский?

– Патриарх Иерусалимский приглашает все Поместные Церкви, которые желают принять участие в дискуссии, чтобы иметь братское обсуждение накопившихся вопросов. Константинопольский же Патриарх приглашает своих сторонников, единомышленников, дабы насильно навязать свою волю другим Церквам. Но это не получится, как уже не получилось в Украине. Если не получилось в Украине, то тем более не получится в других местах. Это просто наивное и ошибочное мышление, которое, к сожалению, приводит к очень грустным результатам.

– В этом случае, мне кажется (и я прошу прощения, если ошибаюсь), решение создать Экзархат Африки не только имело целью принять африканских священников, не согласных с решением Александрийского Патриарха, но и было способом давления на Константинопольский Патриархат, чтобы он согласился вступить в диалог с Русской Церковью для совместного решения проблем. Я ошибаюсь?

– Мы ни от кого ничего не хотим. У нас в Русской Православной Церкви есть все: есть храмы,

монастыри, архиереи, миллионы верующих. Нам ничего не надо. Нам не нужен ни Константинопольский Патриарх, ни какие-то указания сверху, которым мы должны подчиняться. Если Константинопольский Патриарх хочет жить в единстве с Русской Православной Церковью, у него для этого есть все возможности. Он всегда говорит, что представляет всю полноту Православной Церкви. Если он хочет представлять и Русскую Православную Церковь тоже, у него для этого есть все возможности – надо лишь не делать ей гадости, а прислушиваться к голосу не только Русской Церкви, но и других Поместных Православных Церквей, действовать так, как должен действовать первый среди равных, то есть всем помогать, поддерживать, укреплять. Такой первый среди равных был бы очень востребован в Православной Церкви, потому что действительно нужен кто-то, кто возьмет инициативу, кто пригласит.

Но если человек просто занимается разбоем и использует некие «унаследованные» от прошлого привилегии для того, чтобы, ссылаясь на них, совершать незаконные и антиканонические деяния, то разве это может привести к единству Церкви? Это может только все более и более усугублять схизму, которая уже произошла и будет углубляться до тех пор, пока Константинопольский Патриарх не захочет остановиться.

Мы не собираемся ни на кого оказывать давление, не собираемся к чему-либо принуждать, вынуждать или побуждать. Если Константинопольский Патриарх или Александрийский Патриарх захотят диалога, мы всегда открыты к нему. Мы были открыты еще до того, как Патриарх Варфоломей совершил свои незаконные деяния, иначе Патриарх Кирилл не поехал бы в Стамбул, чтобы пытаться переубедить Константинопольского Патриарха. Мы открыты к диалогу и сейчас.

– Значит, вы теперь ждёте, чтобы Константинопольский Патриарх согласился вступить в диалог?– Мы ничего не ждем от Константинопольского Патриарха. Пусть он за свои деяния ответит на Страшном суде и на суде церковной истории. Это его дело, его ответственность. Нас это совершенно теперь не касается. Мы разорвали общение с Константинопольским Патриархом, и для нас проблемы, которые он создает, не являются проблемами.

Посмотрите, что происходит с Русской Православной Церковью в последние тридцать с лишним лет. Сколько на Русскую Церковь нападали, сколько раз пытались у нее что-то отнять, а она растёт и растёт. Строятся все новые храмы, открываются все новые монастыри, к Русской Церкви присоединяются те, которые были отделены. Русская Зарубежная Церковь присоединилась, Архиепископия западноевропейских приходов русской традиции присоединилась. Как говорил святой Иоанн Дамаскин, даже злые деяния людей Бог обращает к добрым последствиям. Вот что происходит с Русской Церковью. Поэтому у нас нет никаких причин для скорби. Мы имеем только причины для радости и для благодарности Богу за то, что видим происходящим в нашей Церкви.

Я вспоминаю, что было 35 или 40 лет назад, когда я пришел в Русскую Церковь. Это была маленькая гонимая Церковь под тотальным контролем государства. Все было запрещено, ничего было нельзя – ни книги издавать, ни благотворительностью заниматься. На моих глазах произошло чудо возрождения Русской Православной Церкви, и сейчас ее невозможно узнать. Мы видим в этом огромную милость Божию.

Мы скорбим о тех Православных Церквях, которые стали частью авантюры по признанию украинского раскола, но благодарим Бога за то, что раскол никак не коснулся нашей Церкви. Наша Церковь как была единой, так и остается единой. Она как была консолидированной, так и остается консолидированной и в России, и в Украине, и во Франции, и везде, где она присутствует; а теперь еще и в Африке.

– Последний вопрос. Вы возглавляете Общецерковную аспирантуру и докторантуру. Можете ли Вы рассказать о ней: как и почему работает это учебное заведение, есть ли новые абитуриенты?– Общецерковная аспирантура – это высшее учебное заведение, которое было создано по инициативе Патриарха Кирилла на первом же заседании Священного Синода после того, как он стал Патриархом. И тогда же возглавлять это учебное заведение было поручено мне. Наша задача заключается в том, чтобы давать богословское образование тем, кто уже получил высшее образование – то, что у нас называется аспирантурой.

Также впервые в истории Русской Православной Церкви мы создали докторантуру. То есть имеются в виду не просто докторская степень как почетное звание, а реальные занятия по подготовке диссертаций, которые проходят через очень сложный процесс защиты. Не менее семнадцати докторов наук заседают в Диссертационном совете, и человек, который подал на соискание ученой степени, должен защитить свою диссертацию. Это очень большая работа, которая направлена, прежде всего, на повышение научного уровня наших будущих священнослужителей и не только. У нас учатся не только священнослужители и те, кто в будущем примет священный сан, – в ОЦАД учатся, получают научные степени и девушки.

Причем впервые в истории России научные степени по теологии сейчас признаются государством. Беседовал протоиерей Живко Панев